

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЗНАЧИМОСТИ ПРАВА
КАК СОЦИАЛЬНОГО
РЕГУЛЯТОРА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
БИЗНЕСА И ВЛАСТИ
В РОССИИ**

Блошко Виталий Васильевич
Соискатель Международной академии
бизнеса и управления, г. Москва, Россия,
e-mail: vit.bloshko@gmail.com

**METHODOLOGICAL MODEL
OF RESEARCH
OF SIGNIFICANCE OF LAW
AS A SOCIAL REGULATOR
OF INTERACTION
OF BUSINESS
AND POWER
IN RUSSIA**

Vitaly V. Bloshko
Applicant, International Academy
of Business and Management, Moscow,
Russia,
e-mail: vit.bloshko@gmail.com

В статье представлена методологическая модель исследования права как социального регулятора взаимодействия бизнеса и власти в условиях модернизации российского общества, значимость которой заключается в концептуальном единстве представленных теорий, объединенных социологической теорией социальных систем Н. Лумана. Теория социальных систем коммуникации Н. Лумана позволяет выявить, как право в качестве социального регулятора позволяет бизнесу и власти адаптироваться к динамичному развитию высокотехнологического информационного

The article presents the methodological model of research of law as a social regulator of interaction between business and government in terms of modernization of Russian society. Its significance is in the conceptual unity of presented theories that are united by N. Luhmann's sociological theory of social systems. N. Luhmann theory of social communication systems allows to identify the law as a social regulator that allows business and authorities to adapt to the dynamic development of high-tech information society. The author's methodological model consists of the concept of Industry 4.0, sociological concept of cultural

общества. Авторская методологическая модель состоит из концепции Industry 4.0, социологического концепта культурных моделей в современной России, парадигмы права как нормативного эквивалента экономических отношений и универсального инструмента управления социумом, концепций стратегического правового регулирования взаимодействия бизнеса и власти, позволяющего наиболее эффективно использовать потенциал правовой системы высокотехнологичного общества.

Ключевые слова: теория социальных систем Н. Лумана, методологическая модель, взаимодействие бизнеса и власти, право как социальный регулятор.

models in modern Russia, the paradigm of law as the normative equivalent of economic relations and the universal tool for managing the society, the concepts of strategic legal regulation of interaction between business and government that allows the most effective use of the potential of the legal system of high-tech society.

Keywords: N. Luman theory of social systems, methodological model, interaction of business and power, law as a social regulator.

Введение

В условиях новой социальной реальности, характеризующейся глубокой трансформацией глобальной экономики, её превращением в глобальную информационную экономику и формирующейся новой, многополярной системой миропорядка и выступающей новым вызовом для России, исследования значимости права как социального регулятора взаимодействия бизнеса и власти в современной модернизирующейся России становятся наиболее актуальными. Социологический анализ данной проблемы, ее особенностей в контексте динамично развивающегося информационного общества имеет существенный теоретический интерес и предполагает использование теоретических подходов для ее изучения.

Действенное использование набора теоретических и методологических инструментов для объяснения значимости права в качестве социального регулятора взаимодействия бизнеса и власти в контексте сложного синергетически организованного высокотехнологичного информационного общества в России предполагает создание методологической модели. Эта модель является целостной композицией, включающей в себя ряд концепций, связанных в единое целое социологической теорией Н. Лумана о социальных системах как системах коммуникации, в которой право позволяет бизнесу и власти адаптироваться к динамичному развитию высокотехнологичного информационного общества. Представленная методологическая модель на основе теорий, описывающих соотношение права и экономики, позволяет выяснить

теоретические основания инновационной модернизации России и состоит из ряда составляющих.

Концепция Industry 4.0 как компонент методологической модели исследования

Первая составляющая методологической модели – это концепция Industry 4.0, выдвинутая в 2011 г. Она была предложена Германией в качестве ключевого компонента стратегии развития страны в сфере высоких технологий (High-Tech Strategy 2020 for Germany). В англоязычной среде ей соответствует глобальная идея под другими именами: «Промышленный интернет» (Industrial Internet), который понимается как «интеграция сложных физических механизмов и устройств с объединёнными в сеть датчиками и программным обеспечением в целях предсказания, управления и планирования на благо бизнеса и общества» [1, с. 5]. Такого рода идеи сформулированы под именами «Интегрированное производство» (Integral Industry) и «Умное производство» (Smart Industry) [2, с. 11–13]. Темы цифровизации производства, взаимодействие людей и машин, инновационные субподрядные решения и интеллектуальные энергосистемы, представляемые на международных выставках, выражают значимость провозглашенной ранее четвертой промышленной революции, касающейся практически всех индустриальных сфер. Эта цифровая интеграция представляет отчётливую картину «интеллектуальной фабрики», особенностью которой будет беспрепятственный обмен информацией между оборудованием и продукцией, что позволит достигнуть оптимального качества производимых продуктов и максимального эффекта их производства.

Концепция промышленной революции Industry 4.0 вызывает значительный интерес в силу следующих причин. Во-первых, описанная «интеллектуальная фабрика» («умная фабрика») уже реально существует, её можно приобрести и использовать на своих предприятиях. Во-вторых, реализована новая тенденция применения роботов в производстве, сущность которой заключается в отсутствии барьеров между роботами и людьми, так как роботы и их коллеги-люди образуют единую команду на «умном» производстве. В-третьих, концепция промышленной революции распространяется не только на само производство, но и выходит за его рамки – она выражается в функционировании интеллектуальных энергетических систем, что позволяет перейти к использованию возобновляемых источников энергии. В результате происходит интеграция в энергетическую систему децентрализованных генераторов энергии, в том числе ветровых, солнечных и гидроэлектростанций и биогазовых установок. Все эти формы генерации

энергии можно объединить в единую интеллектуальную энергосеть, чтобы затем распределять энергию адекватным способом [2, с. 12].

Существенным в реализации концепции четвертой промышленной революции является то, что в ней интегрированы технические навыки высококвалифицированных кадров, инженерные способности и человеческие ресурсы, неразрывная связь с Интернетом во Всемирной паутине WWW, благодаря которой происходит становление киберфизической реальности. Фундаментальный характер этого следствия обусловлен тем, что за четверть столетия своей эволюции WWW начал с нишевой системы управления информацией и закончил универсальной платформой, которая теперь является мотором всех аспектов цифровой эпохи. «Инструменты и сервисы WWW меняют образ жизни, принципы общения и взаимодействия в обществе, позволяя по-новому приобретать знания и делиться ими. Веб-приложения продолжают трансформировать бизнес, государственный сектор, образование, медицину, финансы и другие ключевые отрасли» [3, с. 46].

В целом оказывается, что перспективы трансфера четвертой промышленной революции Industry 4.0, или «Промышленного Ренессанса», нуждаются в разработке эффективных правовых механизмов передачи современных технологий от правообладателя к другому заинтересованному лицу, которое стремится использовать их в коммерческих целях [4, с. 15–27]. Данный процесс трансфера технологий неразрывно связан с решением задач повышения эффективности государственного регулирования посредством правовых и экономических механизмов применения интеллектуальной собственности [4, с. 16].

Вторая составляющая методологической модели: концепт культурных моделей в современной России

Специфика правового регулирования взаимодействия бизнеса и власти обусловлена в определенной мере функционирующей социокультурной моделью, которая вырабатывается соответствующей социокультурной практикой. В современной России цивилизационный контекст характеризуется разнообразием социокультурных моделей и связанными с ними нормами правового регулирования общественных отношений [5, с. 277]. Вместе с тем необходимо иметь в виду тот факт, что в современной России наряду с традиционными и политическими стереотипами функционирует и имеет хождение целый ряд полистилистических культур (западная, восточная культура и разные субкультуры), которые вносят свой вклад в развивающуюся отечественную систему права [6, с. 319–358; 7, с. 27–37], что объясняет наличие опре-

деленной корреляции с новыми явлениями государственного управления и способами предпринимательской деятельности, пришедшими из-за рубежа, прежде всего из социокультурных практик Запада.

Это означает, что в современной России происходит процесс включения правовых принципов и норм, а также установок правового мышления (имплементация и рецепция), соответствующих социокультурным практикам Запада. Здесь немалое место принадлежит принципу правопреемственности, который показывает свою эффективность тогда, когда необходимо урегулировать сложные, нестандартные проблемы, появляющиеся в процессе, например, реформирования политических и экономических отношений. «Именно в такие моменты правопреемственность выступает буферной зоной, в которой старое смыкается с новым при постепенном накоплении нового правового материала» [8, с. 41].

Эти общие начала права модифицируются в новых социально-экономических и социально-культурных контекстах, когда в процессе правопреемственности сохраняется позитивное содержание старой системы права как исходного материала для осуществления правотворчества новой правовой системы.

Историко-теоретический подход дает возможность репрезентировать динамику процесса перехода правоотношений в качестве единого направления развития, представляющего собой последовательность линейного и нелинейного периодов, что в совокупности является синергетическим явлением. Такой подход к праву как диссипативной системе вполне корреспондирует с представлением о сложном синергетически организованном высокотехнологичном информационном обществе России.

Следует принимать во внимание то обстоятельство, согласно которому в настоящее время традиционные стереотипы и ценности культуры России до сих пор имеют значимость для большинства граждан, хотя в больших городах наблюдается их размывание и на их место приходят образы и архетипы других культур. Об этом свидетельствуют общероссийские социологические исследования российских реформ на протяжении всего постсоветского периода, проводимые под руководством М.К. Горшкова. В данном периоде выделяется два этапа: первый – 1990-е гг., когда наблюдается увлечение многих россиян Западом, проявившееся в стремлении перенести на российскую почву различные социокультурные модели и системы ценностей, второй – рубеж XX и XXI столетий, период возвращения к отечественным традиционным представлениям, ценностям и установкам. «В рамках кон-

сервативной волны, которая в значительной мере определила массовое умонастроение россиян на рубеже столетий, объективнее, как пишет Горшков, стал их взгляд на опыт других стран и собственное прошлое, исчезли сомнения по поводу правомерности российских реформ. Эта волна актуализировала прежде всего установки и ценности российского менталитета, утверждающие превосходство духовных начал над чисто внешним устройством жизни и приобретением разнообразных материальных благ, которые в 90-е годы прошлого века активно «вытеснялись» идущими с Запада жизненными приоритетами, связанными с идеей количественно измеримого экономического успеха» [9].

В пользу данного вывода свидетельствуют и социологические исследования такого неуловимого феномена отечественного социума, как «русская мечта». Они были проведены Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте-апреле 2012 г. и *выявили следующие приоритеты* в сознании россиян: на первом месте находится стремление жить в достатке и достойно, на втором месте – наряду с личным (иметь хорошее здоровье) обнаруживается у трети опрошенных желание жить в разумно устроенном, справедливом социуме. Причем большинство (около 65 % опрошенных) считает, что «равенство возможностей важнее равенства доходов и условий жизни, а 70 % полагают справедливым, когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, если только они имели одинаковые возможности их заработать» [10, с. 352]. Понятно, что доминирование в социологическом концепте культуры традиционных ценностей и отечественного менталитета отражается и на значимости права как регулятора общественных отношений, в том числе и взаимодействия бизнеса и власти.

Компонент третий: парадигма права как нормативного эквивалента экономических отношений и универсального инструмента управления социумом

В отечественной юридической литературе внимание акцентируется на том, что право является важнейшим инструментом регулирования общественных отношений. Согласно Т.Я. Хабриевой, право выполняет следующие функции: во-первых, выступает детерминантом общего вектора и координат развития социума; во-вторых, фиксирует и закрепляет основные права и обязанности государства, организаций и граждан, а также вводит в действие правозащитные механизмы; в-третьих, оно выполняет в качестве существенной составляющей функцию инструмента управления системой общества на основе оценки

правовых предписаний в аспекте их воздействия на экономику и социум в целом [12, с. 5–26]. До начала экономической реформы в России основной задачей правовой системы считалось придание юридической силы политически обоснованному решению. Сейчас в ходе экономических реформ происходит поиск такого рода решения посредством экономического анализа социальных отношений. Фокусирование внимания экономистов и правоведов на анализе одних и тех же социальных отношениях, согласно позиции Т.Я. Хабриевой, приносит весьма плодотворные результаты [12, с. 15]. В качестве примера приводится становление антимонопольного законодательства в странах Западной Европы во второй половине XX столетия (в то время существовала проблема влияния монополий на условия конкуренции, что привело к появлению экономической теории) [13, с. 6]. Затем в 60–70-е гг. XX в. в Америке получила развитие экономическая теория права, что лежит в основе создания чикагской школы монетаристов во главе с М. Фридманом [14].

В связи с тем, что экономисты осуществляют оценку права как системы «неявных» цен, которые способны стимулировать позитивные формы поведения и элиминировать негативные формы поведения, государственное регулирование экономических отношений посредством права направлено на сглаживание колебания цен. В экономике подобного рода направление исследований привело к формированию институциональной (и неинституциональной) экономической теории права, которая была нацелена на анализ взаимоотношений между юридическими и экономическими процессами. «Институциональный подход к праву и экономике состоит в исследовании влияния экономики на правовые процессы, а также обратного влияния права и изменений в законодательстве на экономическую деятельность и активность» [15, с. 157]. Сильной стороной институционализма является то, что он стимулировал развитие таких актуальных направлений, как теория игр, соотношение права и эксперимента в экономике, нормотворчество бюрократии в экономике и т.д., что дает возможность выявить систему ценностей, управляющих социально-экономическими процессами. Значимость системы ценностей в правовом регулировании экономических процессов со стороны судов состоит в том, что она дает возможность проявляться четко выраженной тенденции резко ограничивать действие деструктивных методов капиталистических институтов и поддержке разумной политики в отношении конкурентоспособности экономики. Понятно, что такого рода разумная политика способствует

нахождению судами компромиссов в процессе разрешения экономических конфликтов между бизнесом и властью.

В рамках институциональной теории Дж.Р. Коммонса право создает нормативный эквивалент экономических отношений и выступает универсальным орудием управления, которое дает возможность обеспечения решения множества задач, необходимых для достижения поставленных целей и формирования баланса интересов [16, с. 40]. И тем самым дает возможность находить разумные решения в процессе правового регулирования взаимодействия бизнеса и власти.

Четвертый компонент: концепция стратегического правового регулирования взаимодействия бизнеса и власти

В современной России осуществляется поиск существенных черт и закономерностей функционирования экономической системы страны, необходимых для выработки концепции оптимальной стратегии. Несмотря на то что наполнение этой стратегии определенным содержанием, её созидание на основе конкретных программ являются прерогативой государства, научный подход к формированию предложений по выработке стратегии – «комплекса ключевых идей, взглядов, принципов, дающих целостное представление о возможных сценариях развития общества» [17, с. 28] – выступает зоной компетентности науки. Позитивным является тот момент, согласно которому имеется достаточно широкая «зона согласия» в отношении содержания концепции стратегии развития России между разными научными школами и государственной властью.

Отечественный экономист Д. Сорокин перечисляет следующие положения данной «зоны согласия» относительно содержания концепции стратегии развития нашей страны [18, с. 29]. Во-первых, нужна постановка долгосрочных целей, без которых невозможно устойчивое развитие России (такие стратегии существуют в США, Японии, странах Европейского союза, Бразилии, Индии, Китае, Турции, Малайзии, Южной Кореи и др.). Во-вторых, достигнут консенсус в отношении понимания целевых установок национальной стратегии, обусловливаемой совокупностью внешних и внутренних условий, которые необходимо использовать для обеспечения субъектности России в качестве одного из полюсов многополярного мира. В-третьих, обретение статуса «полюса развития» требует кардинального обновления (модернизации) производственно-технологической базы отечественной экономики для того, чтобы полностью освоить параметры пятого технологического уклада (интеллектуальные орудия труда, глобальное информа-

ционное пространство, композитные материалы, геновая инженерия) и перейти к шестому технологическому укладу (интеллектуализация производства, нано- и безотходные производства, новая энергетика, индивидуализация изделия). В-четвертых, для долгосрочного устойчивого развития России необходим человеческий капитал (потенциал), за который сейчас идет конкурентная борьба между странами мира, что требует повышения уровня образования, здравоохранения, материальных условий достойной жизни. В-пятых, признаны устаревшими и неадекватными вызовам времени обсуждения роли государства в экономической жизни общества, оно должно предпринимать активные действия для перехода страны на инновационные рельсы развития. Эти моменты нашли отражение в утвержденной Правительством РФ 17 ноября 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, реализация которой вызывает сомнения, так как существующая практика государственной экономической политики не только не стимулировала, не создавала условия для инновационного развития России, но иногда и тормозила его. Это значит, что основным источником экономического роста является предпринимательская деятельность, у которой в России не наблюдается активного «инновационного интереса».

Российское государство в процентном отношении к ВВП на низком уровне финансирует исследования и разработки по сравнению со странами-лидерами (3,4 % в Японии, 2,5 % в Германии, 1,8 % в Великобритании и 1,3 % в России), причем отечественные структуры бизнеса существенно отстают в этом плане, что обуславливает низкий уровень общего финансирования исследований и разработок в российской экономике. Причина инновационной неактивности предпринимательского сектора, в том числе и крупных корпораций, заключается в том, что *«государство не создает институциональных условий для инновационной активности предпринимателей»* [18, с. 33]. Поэтому стратегия модернизации России должна быть нацелена на создание благоприятных условий для инновационной деятельности самого государства и бизнеса [19].

Заключение

Понятно, что правовое регулирование взаимодействия бизнеса и власти должно носить перспективный характер для осуществления инновационной модернизации России, чтобы она стала одним из полюсов становящегося многополярного мира. Методологическая модель исследования значимости права как социального регулятора взаимо-

действия бизнеса и власти в контексте модернизации России состоит из концепции Industry 4.0, социологического концепта культурных моделей в современной России, парадигмы права как нормативного эквивалента экономических отношений и универсального инструмента управления социумом, концепций стратегического правового регулирования взаимодействия бизнеса и власти, позволяющего наиболее эффективно использовать потенциал правовой системы высокотехнологического общества. Значимость представленной методологической модели в том, что все многообразие рассматриваемых парадигм и концепций связано концептуально в единое целое социологической теорией Н. Лумана о социальных системах как системах коммуникации, в которой право как социальный регулятор позволяет бизнесу и власти адаптироваться к динамичному развитию высокотехнологического информационного общества.

Литература

References

1. *Германн М., Пентек Т., Отто Б.* Так что же такое Industry 4.0? // МКА ВКС. 2015. № 3.
2. «Интегрированное производство» – новая высота Hannover Messe // МКА ВКС. 2015. № 3. С. 11–13.
3. *Тыренко А.* Будущее WWW: становление киберфизической реальности // Открытые системы. 2015. № 3.
4. *Картсхия А.* Трансфер технологий, или «Промышленный Ренессанс» // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2015. № 9. С. 15–27.
5. *Ионин Л.Г.* Российские метаморфозы: культурная трансформация и социальные изменения. N.Y., 1999.
6. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. С. 319–358.
7. *Лубский А.В., Лубский Р.А.* Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4. С. 27–37.
8. *Андреева О.А.* Правопреемственность в процессе модернизации правовой системы современной России: юридико-технологический подход // Юридические технологии в правовой политике. 2013. № 1.

1. *M. Germann, T. Pentek, B. Otto.* Tak chto zhe takoe Industry 4.0? // MKA VKS. 2015. № 3.
2. «Integrirovannoe proizvodstvo» – novaya vysota Hannover Messe // MKA VKS. 2015. № 3. P. 11–13.
3. *A. Tyrenko.* Budushchee WWW: stanovlenie kiberfizicheskoy real'nosti // Otkrytye sistemy. 2015. № 3.
4. *A. Kartskhiya.* Transfer tekhnologii, ili «Promyshlennyy Rennessans» // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. 2015. № 9. P. 15–27.
5. *L.G. Ionin.* Rossiyskie metamorfozy: kul'turnaya transformatsiya i sotsial'nye izmeneniya. N.Y., 1999.
6. Mental'nye programmy i modeli sotsial'nogo povedeniya v rossiyskom obshchestve / otv. red. A.V. Lubskiy. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2016. S. 319–358.
7. *A.V. Lubskiy, R.A. Lubskiy.* Chelovek v Rossii i na Zapade: kontsepty diskursivnogo myshleniya // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2012. № 4. S. 27–37.
8. *O.A. Andreeva.* Pravopreemstvennost' v protsesse modernizatsii pravovoy sistemy sovremennoy Rossii: yuridiko-tekhnologicheskii podkhod // Yuridicheskie tekhnologii v pravovoy politike. 2013. № 1.

9. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М. : Новый хронограф, 2011.

10. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социс. 2012. № 12.

11. Волков Ю.Г., Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Верещагина А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. О чём мечтают россияне и жители ростовской области: сравнительный анализ // Россия реформирующаяся. 2012. № 11. С. 337–366.

12. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5–26.

13. Ольсевич Ю. Конкуренция и монополия в условиях рыночной и переходной экономики (Теория Э. Чемберлина шесть десятилетий спустя). М. : Экономика, 1996.

14. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М. : ГУ ВШЭ, 2003.

15. Атоян Г.Ю., Амвросова О.Н. Экономика и право в аспекте институциональной теории Дж.Р. Коммонса // Современное право. 2014. № 5.

16. Авдийский В.И., Павликов С.Г. О соотношении экономики и права и тенденциях конституционно-правового регулирования экономических отношений // Государство и право. 2014. № 11.

17. Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. М., 2017.

18. Сорокин Д. О стратегии развития России // Вопросы экономики. 2010. № 8.

19. Волков Ю.Г. Российская модернизация как путь развития креативного общества. Ростов н/Д., 2011.

9. M.K. Gorshkov. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki). M. : Novyy khronograf, 2011.

10. M.K. Gorshkov. «Russkaya mehta»: opyt sotsiologicheskogo izmereniya // Sotsis. 2012. № 12.

11. Yu.G. Volkov, M.Yu. Barbashin, F.A. Barkov, A.V. Vereshchagina, O.Yu. Posukhova, A.V. Serikov, V.V. Chernous. O chem mechtayut rossiyane i zhiteli rostovskoy oblasti: sravnitel'nyy analiz // Rossiya reformiruyushchayasya. 2012. № 11. P. 337–366.

12. T.Ya. Khabrieva. Ekonomiko-pravovoy analiz: metodologicheskij podkhod // Zhurnal rossiyskogo prava. 2010. № 12. P. 5–26.

13. Yu. Ol'sevich. Konkurentsiya i monopoliya v usloviyakh rynochnoy i perekhodnoy ekonomiki (Teoriya E. Chamberlina shest' desyatiletij spustya). M. : Ekonomika, 1996.

14. G. Bekker. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podkhod. M. : GU VShE, 2003.

15. G.Yu. Atoyan, O.N. Amvrosova. Ekonomika i pravo v aspekte institutsional'noy teorii Dzh.R. Kommonsasa // Sovremennoe pravo. 2014. № 5.

16. V.I. Avdiyskiy, S.G. Pavlikov. O sootnoshenii ekonomiki i prava i tendentsiyakh konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya ekonomicheskikh otnosheniy // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 11.

17. Yu.G. Volkov. Sotsiologiya budushchego: sotsiologicheskoe znanie i sotsial'nyy projekt. M., 2017.

18. D. Sorokin. O strategii razvitiya Rossii // Voprosy ekonomiki. 2010. № 8.

19. Yu.G. Volkov. Rossiyskaya modernizatsiya kak put' razvitiya kreativnogo obshchestva. Rostov n/D., 2011.

Поступила в редакцию

11 января 2017г.